

ЗИГМУНД ФРЕЙД

**Случай невроза в форме
одержимости дьяволом
в XVII веке**

Зигмунд Фрейд
Случай невроза
в форме одержимости
дьяволом в XVII веке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68790570

ISBN 9785005949752

Аннотация

Классическая работа создателя психоанализа Зигмунда Фрейда, впервые опубликованная в 1923 году, представляет собой исследование невротической одержимости на примере описанного в монастырских хрониках XVII века случая баварского художника Кристофа Хайцманна, продавшего душу дьяволу. Перевод на русский – Сергей Панков

Содержание

I. ИСТОРИЯ ХУДОЖНИКА КРИСТОФА ХАЙЦМАННА	6
II. УСЛОВИЯ ДОГОВОРА С ДЬЯВОЛОМ	18
III. ДЬЯВОЛ ВЗАМЕН ОТЦА	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Случай невроза в форме одержимости дьяволом в XVII веке

Зигмунд Фрейд

Переводчик Сергей Панков

*Изображение для обложки сгенерировано нейросетью
Stable Diffusion*

© Зигмунд Фрейд, 2023

© Сергей Панков, перевод, 2023

ISBN 978-5-0059-4975-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как мы узнали, изучая детские невроты, многое из того, что в этом возрасте видно невооруженным глазом, впоследствии обнаруживается только после основательного исследования. Того же самого можно ожидать и от невротических заболеваний, относящихся к прежним векам, если только понять, что и там под другими именами скрываются все те же знакомые нам невроты. Не стоит удивляться тому, что невроты тех давних времен предстают перед нами в об-

личье бесовства, а в нашу чуждую психологии эпоху выступают под маской ипохондрии, в наряде органических заблуждений. Как известно, многие авторы, прежде всего Шарко, установили, что в дошедших до нас рассказах об одержимости бесами и религиозном экстазе описаны истерические симптомы; не сложно было бы определить по биографии этих больных и характер невроза, если бы тогда к ним отнеслись с большим вниманием.

Демонологическая теория средневековья оказалась вернее соматических подходов, возникших в век «точной» науки. Одержимость – это и есть то, что мы называем неврозами, при толковании которых мы тоже ссылаемся на психические силы. Бесы для нас – это неприятные нам порочные желания, порожденные порывами влечений, которые удалось сдержать и вытеснить. Мы не приемлем лишь то, что в средние века эти психические сущности проецировались на внешний мир; на наш взгляд, они зарождаются и обитают в душе больного.

I. ИСТОРИЯ ХУДОЖНИКА КРИСТОФА ХАЙЦМАННА

С одним таким демонологическим неврозом, относящимся к XVII веку, я ознакомился благодаря дружескому участию господина надворного советника доктора Р. Пайер-Турна, директора бывшей императорской архивной библиотеки в Вене. Пайер-Турн отыскал в этой библиотеке рукопись, которая попала туда из монашеской обители Марицелль и содержала подробный рассказ о чудесном расторжении договора с дьяволом по милости святой Марии. История заинтересовала его своим сходством со сказанием о докторе Фаусте, что и побудило его подробно описать и откомментировать этот материал. А поскольку он обнаружил, что у человека, об избавлении которого повествует эта история, бывали судорожные припадки и галлюцинации, он обратился ко мне и попросил провести медицинскую экспертизу этого случая. Мы условились опубликовать отчеты о наших исследованиях независимо друг от друга и по отдельности. Приношу ему свою благодарность за это предложение и разнообразную помощь, которую он оказал мне во время изучения рукописи.

В этой демонологической истории болезни, и впрямь, обнаружилась ценная находка, которая лежала прямо на по-

верхности, как на иных приисках встречается в чистом виде металл, который в других местах приходится с трудом выплавлять из руды.

Эта рукопись, точной копией которой я располагаю, распадается на две разнородные части: изложенный на латыни рассказ монаха, который был автором этой истории или компилятором, и написанный на немецком отрывок из дневника пациента. Первая часть включает в себя предисловие и саму историю чудесного исцеления; вторая часть, возможно, не имела для преподобных отцов особого значения, но тем ценнее она для нас. Именно в этой части приведены сведения, которые позволяют внести определенность в наше представление об этом случае заболевания, и мы можем с полным основанием поблагодарить святых отцов за то, что они сохранили этот документ, хотя он не только ничего не прибавляет к их трактовке, но даже угрожает ее целостности.

Прежде чем изложить содержание небольшой рукописной брошюры, озаглавленной *Trophaeum Mariano-Cellense*¹, следует привести сведения, которые я почерпнул из предисловия.

Пятого сентября 1677 года баварского художника Кристофа Хайцманна, при котором имелось сопроводительное письмо пастора, привезли из Поттенбрунна (в Нижней Ав-

¹ *Trophaeum Mariano-Cellense* (лат.) – зд.: Свидетельство о чуде в Марицелле. – *Прим. переводчика.*

стрии) в близлежащий монастырь Марицелль². В письме говорилось о том, что несколько месяцев он занимался живописью в Поттенбрунне, двадцать девятого августа в тамошней церкви с ним случились ужасные судороги, которые повторялись в последующие дни, после чего он был вызван на допрос к Praefectus Domini Pottenbrunnensis³, где у него выпытывали, не вступил ли он в предосудительные сношения с дьяволом⁴. Он сознался, что девять лет назад, разуверившись в своем таланте и сомневаясь в том, что ему удастся себя прокормить, он, действительно, на девятый раз поддался искушению дьявола и дал ему расписку, в которой обязался, что по истечении девятилетнего срока будет принадлежать ему и душой, и телом. Срок договора истекал скоро – двадцать четвертого числа сего месяца⁵. Несчастный рассказывался в содеянном и был уверен в том, что может спастись только милостью Марицелльской Божьей Матери, если она заставит дьявола вернуть ему договор, написанный кровью.

² Возраст художника нигде не указан. Из контекста явствует, что ему было лет тридцать-сорок, возможно, ближе к тридцати. Нам сообщают, что умер он в 1700 году. – *Прим. автора.*

³ Praefectus Domini Pottenbrunnensis (лат.) – управляющий поттенбруннским владением. – *Прим. переводчика.*

⁴ Можно допустить, что в ходе этого допроса больному подсказали, «внушили» фантазию о договоре с дьяволом. – *Прим. автора.*

⁵ Quorum et finis 24 mensis hujus futurus appropinquat (лат.) – срок которого истекает 24 числа будущего месяца. – *Прим. автора.*

Поэтому *miserum hunc hominem omni auxilio destitutum*⁶ передавали на попечение монахов из Мариацелля.

Так свидетельствует Леопольд Браун, пастор из Поттенбрунна, в сопроводительном письме от 1 сентября 1677 года.

Теперь следует подробнее рассказать о структуре рукописи. Она состоит из трех частей.

1. Титульный листе цветным изображением сцены подписания договора и сцены его расторжения в часовне Мариацелля; на следующем листе восемь рисунков, тоже цветных, с подписями на немецком языке, на которых изображены дальнейшие сцены явления дьявола. Это не подлинники, а копии, – как нас клятвенно заверяют, точные копии – картин Кристофа Хайцманна.

2. Сам *Trophaeum Mariano-Cellense* (на латыни), составленный монахом-компилятором, который подписался инициалами Р. А. Е.⁷ и добавил к ним четырехстрочную стихотворную строфу изложением своей биографии. В заключении приводится свидетельство аббата Килиана, настоятеля монастыря Св. Ламберта, датированное 12 сентября 1729 года, написанное другой рукой и подтверждающее, что эта рукопись и рисунки в точности соответствуют подлинникам, хранящимся в архиве. Год написания «Свидетельства о чу-

⁶ *Miserum hunc hominem omni auxilio destitutum* (лат.) – этого несчастного, лишенного всяческой помощи. – *Прим. переводчика.*

⁷ Р.А.Е. – *Pater Adalbert Eremiasch* (лат.) – отец Адальберт Эремиаш. – *Прим. переводчика.*

де» не указан. Но, скорее всего, оно было составлено в том же 1729 году, что и свидетельство аббата Килиана, или же, учитывая, что в тексте не упоминаются даты позднее 1714 года, где-то между 1714 и 1729 гг. Чудо, которое была призвана уберечь от забвения эта рукопись, произошло в 1677 году, то есть тридцатью семью или пятидесятью двумя годами ранее.

3. Дневник художника на немецком языке, записи в котором охватывают период со дня избавления от дьявола в часовне Марицелля до 13-го января следующего 1678 года. Он был включен в текст «Свидетельства о чуде» незадолго до смерти художника.

В первый раз явился он мне в обличии горожанина с черной собакой и принялся выпытывать, что меня так удручило и опечалило, а потом сказал, что может помочь моему горю, и посулил мне всяческую помощь и поддержку, ежели я стану ему сыном и напишу ему о том договор чернилами. **Из дневника Кристофа Хайцманна. «Свидетельство о чуде в Марицелле»**

Основу самого *Trophaeum* составляют два текста: уже упомянутое сопроводительное письмо Поттенбруннского пастора Леопольда Брауна, от 1 сентября 1677 года, и рассказ о чудесном исцелении, написанный 12 сентября 1677 года, то есть спустя всего несколько дней, аббатом Франциском, настоятелем Мариацелльской обители и монастыря Св. Ламберта. Редактор или компилятор Р. А. Е. снабдил его предисловием, которое, так сказать, скрепляет два текста, а также добавил для связности несколько незначительных вставок и под конец поведал о том, как складывалась в дальнейшем судьба художника, опираясь на сведения, полученные в 1714 году⁸.

Таким образом, предыстория чудесного исцеления художника излагается в *Trophaeum* трижды:

- 1) в сопроводительном письме пастора из Поттенбрунна;
- 2) в рассказе аббата Франциска о свершившемся чуде;
- 3) в предисловии редактора.

При сопоставлении трех этих документов между ними обнаруживаются некоторые несоответствия, к которым стоит отнестись внимательно.

Теперь продолжим историю художника. Он долго каялся и молился в Мариацелле, и вот 8 сентября, в Рождество Девы Марии, в полночь, дьявол явился ему в образе крылато-

⁸ Это может служить доказательством того, что в том же 1714 году был написан и *Trophaeum*. – *Прим. автора.*

го дракона в часовне монастыря и вернул договор, написанный кровью. Затем мы с удивлением узнаем, что в истории художника К. Хайцманна фигурируют два договора с дьяволом: один был написан чернилами, другой, более поздний – кровью. В рассказе об этом обряде изгнания бесов, как видно и по рисунку на титульном листе, говорится о написанном кровью, то есть о втором договоре.

Тут можно было бы усомниться в достоверности рассказа святых отцов и решить, что не стоит расточать силы на изучение монашеских суеверий. В рассказе говорится о том, что многие преподобные отцы, названные поименно, участвовали в обряде изгнания бесов и находились в часовне, когда явился дьявол. Если бы рассказчик утверждал, что и они видели, как дьявол в обличии дракона вручил художнику написанный кровью договор (*Schedam sibi porrigentem conspexisset*⁹), то сами собой напрашивались бы некоторые неприятные предположения, среди которых самым безобидным было бы предположение о коллективной галлюцинации. Но достаточно вчитаться в свидетельство, составленное аббатом Франциском, чтобы развеять все сомнения. Автор

⁹ *Schedam sibi porrigentem conspexisset* [poenitens] ipsumque Daemonem ad Aram Sac. Cellae per fenestrellam in coma Epistolae Schedam sibi porrigentem conspexisset eo advolans e Religiosomm manibus, qui eum tenebant, ipsam Schedam ad manum, obtinaii... (лат.) – ... [кающийся] узрел возле Чудотворного Алтаря в окошечке в южном приделе храма самого Дьявола, каковой подкинул ему клочок бумаги; вырвавшись из рук святых отцов, которые держали его, он бросился туда и схватил сей клочок бумаги... – *Прим. автора.*

и не думает утверждать, что монахи тоже видели дьявола, а, напротив, честно и рассудительно повествует о том, что художник неожиданно вырвался из рук монахов, бросился в один из приделов часовни, где ему явился дьявол, и затем вернулся с договором в руке.

В восьмой раз предстал он предо мной в сем грозном обличи дракона после экзорцизма в Часовне Пречистой Де-

вы и отдал писанный моею кровью договор, который бросил в узкое оконце в правом приделе, после чего мне почудилось, будто вся Часовня Пречистой Девы объята пламенем. **Из дневника Кристофа Хайцманна. «Свидетельство о чуде в Марицелле»**

Чудо было велико, победа Богоматери над Сатаной не подлежала сомнению, но, увы, окончательно исцелить художника так и не удалось. Следует еще раз отдать должное святым отцам, которые этого не скрывают. Вскоре художник покинул Марицелль в добром здравии и отправился в Вену, где поселился у своей замужней сестры. Там 11 октября у него снова начались припадки, порой очень сильные, о которых он упоминает в дневнике вплоть до 13 января. У него бывали видения, он впадал в забытие и ему являлись всевозможные образы, у него случались судороги, сопровождаемые крайне болезненными ощущениями, однажды у него отнялись ноги и т. д. Однако на сей раз его не изводил дьявол, а посещали святые, сам Христос и Дева Мария. Примечательно, что от этих небожителей и наказаний, которым они его подвергали, он страдал не меньше, чем от дьявола в прошлом. В дневнике и эти новые видения он назвал происками дьявола и, вернувшись в мае 1678 года в Марицелль, пожаловался на то, что его преследуют *maligni Spiritus manifestationes*¹⁰.

¹⁰ *Maligni Spiritus manifestationes* (лат.) – явления злого Духа. – *Прим. переводчица.*

Как он объяснил монахам, вернулся он для того, чтобы вытребовать у дьявола другой, первый договор, написанный чернилами¹¹. На этот раз он тоже получил желаемое с помощью святых отцов и Девы Марии. Однако автор рассказа умолчал о том, как это произошло, ограничившись короткой фразой: *qua iuxta votum reddita*¹². Он опять молился, и ему вернули договор. После этого он почувствовал себя освобожденным и вступил в орден Милосердных братьев.

¹¹ В мае 1678 года срок действия этого договора, составленного в сентябре 1668 года, девять с половиной лет назад, будто бы уже давно истек. – *Прим. автора.*

¹² *Qua iuxta votum reddita* (лат.) – вернул [договор] в согласии с молитвой. – *Прим. переводчика.*

Спустя год, явился он мне во второй раз в сем обличии и угрозами заставил меня написать для него договор кровью в подтверждение первой расписки, которую я дал ему из страха. **Из дневника Кристофа Хайцманна. «Свидетельство о чуде в Марицелле»**

II. УСЛОВИЯ ДОГОВОРА С ДЬЯВОЛОМ

Если рассматривать эту историю продажи души дьяволу как случай невротического заболевания, следует первым делом выяснить, на каких условиях был заключен договор, ведь это напрямую связано с побудительными причинами. Зачем подписывают договор с дьяволом? Доктор Фауст с презрением вопрошает у дьявола: «Что можешь ты пообещать, бедняга?» Но он ошибается, ибо в обмен на бессмертную душу дьявол готов предложить все, чем так дорожат люди: богатство, защиту от невзгод, власть над людьми и силами природы, даже магические способности, но самое главное – наслаждение, сладостные утехы в обществе прекрасных женщин. Обычно эти гарантии или обязательства, которые берет на себя дьявол, четко сформулированы в договоре¹³. Что же склонило Кристофа Хайцманна к договору с дьяволом?

Как ни странно, он не руководствовался ни одним из этих вполне естественных желаний. Чтобы развеять все сомнения, достаточно прочесть подписи к рисункам, на которых

¹³ Тебе со мною будет здесь удобно / Я буду исполнять любую блажь / За это в жизни тамошней, загробной / Ты тем же при свиданье мне воздашь. И. Гете. Фауст, ч. 1, сцена в рабочей комнате. (Пер. Б. Пастернака.)

художник изобразил сцены явления дьявола. Например, под рисунком, на котором изображается третье по счету явление дьявола, написано: «В третий раз явился он мне через полтора года в сем мерзостном обличии, с книгою в руке, где были собраны все тайны колдовства и черной магии...»

Однако из подписи к рисунку с изображением последующей сцены явления дьявола следует, что затем дьявол выбрал художника за то, что он «сжег его вышеназванную книгу», и грозился его растерзать, если он не раздобудет такую же.

Явившись в четвертый раз, дьявол показывает ему толстый желтый кошель и большой дукат, посулив ему столько золотых монет, сколько его душа пожелает, но художник может похвалиться тем, что «ничего у него не взял».

В другой раз он пытается соблазнить художника развлечениями и утехами. По этому поводу художник замечает: «Оные и были устроены по его велению, но я три дня от них воздерживался и так снова от него избавился».

Коль скоро художник отказался от магических способностей, денег и плотских утех, которые посулил ему дьявол, и уж тем более не помышлял о том, чтобы выставить такие условия, крайне важно понять, чего же он хотел от дьявола, когда продавал ему душу. Ведь должен же он был чем-то руководствоваться, когда пошел на поводу у дьявола.

Об этом в Тiorphaeum тоже говорится со всей определенностью. Художник впал в уныние, не мог или не хотел ра-

ботать и опасался, что не сможет себя прокормить, словом, у него была меланхолическая депрессия, сопровождаемая утратой трудоспособности и (оправданным) беспокойством за свою жизнь. Теперь мы видим, что перед нами настоящая история болезни, и даже знаем, отчего заболел художник, поскольку в примечаниях к рисункам с изображением дьявола он прямо говорит о меланхолии («все это чтобы позабавить меня и развеять мою меланхолию»). Если в первом из трех имеющихся у нас документов, в сопроводительном письме священника, встречается лишь упоминание об угнетенном состоянии («*dum artis suae progressum emolumentumque secuturum pusillanimis perpenderet*»¹⁴), то во втором документе, в рассказе аббата Франциска, указана и причина этого уныния или дурного настроения, ибо тут говорится, что «*accepta aliqua pusillanimitate ex morte parentis*»¹⁵, и компилятор в своем предисловии повторяет ту же самую фразу, немного изменив порядок слов: *ex morte parentis accepta aliqua pusillanimitate*¹⁶. Стало быть, художник впал в уныние после смерти отца, и тут ему явился дьявол, принялся выпытывать, что его так удручило и опечалило, а потом пообещал

¹⁴ *Dum artis suae progressum emolumentumque secuturum pusillanimis perpenderet* (лат.) – он разуверился в своем таланте и стал сомневаться, что ему удастся себя прокормить. – *Прим. переводчика.*

¹⁵ *Accepta aliqua pusillanimitate ex morte parentis* (лат.) – ощутил подавленность после смерти отца. – *Прим. переводчика.*

¹⁶ *Ex morte parentis accepta aliqua pusillanimitate* (лат.) – после смерти отца ощутил подавленность. – *Прим. переводчика.*

ему «всяческую помощь и поддержку»¹⁷.

В третий раз явился он мне через полтора года в сем мерзостном обличии, с книгою в руке, где были собраны все тайны колдовства и черной магии, и дал мне все это. чтобы по-

¹⁷ Из подписи к первому рисунку на титульном листе, с изображением дьявола в виде «почтенного горожанина». – *Прим. автора.*

забавить меня и развеять мою меланхолию. **Из дневника Кристофа Хайцманна. «Свидетельство о чуде в Мари-ацелле»**

Значит, он продал душу дьяволу, чтобы избавиться от уныния. Наверняка, его поймет всякий, кто способен представить, как тягостно пребывать в таком состоянии, и кто знает, что врачебное искусство едва ли в силах облегчить подобные страдания. Но ни один читатель, который добрался до этого места в нашем рассказе, не догадается, в каких выражениях сформулирован текст договора с дьяволом (вернее, двух договоров – первого, написанного чернилами, и второго, написанного год спустя кровью, – якобы хранящихся по сей день в сокровищнице Марицелльского монастыря и приложенных к Trophaeum).

Эти договоры преподносят нам два сюрприза. Во-первых, в них не указаны обязательства, взятые на себя дьяволом в уплату за бессмертную душу, а лишь изложены требования самого дьявола, которые должен выполнить художник. Совершенно бессмысленно и нелепо отдавать душу дьяволу не в обмен на его услуги, а для того, чтобы служить ему. Еще более странными представляются обязательства, которые взял на себя художник.

Вот первая «синграфа», написанная чернилами:

«Я, Кристоф Хайцманн, обязуюсь быть этому господину послушным сыном девять лет. 1669 год».

А вот вторая, написанная кровью:

«Anno 1669¹⁸

Кристоф Хайцманн. Я обязуюсь быть этому Сатане послушным сыном и через девять лет буду принадлежать ему и душой, и телом».

Однако, если предположить, что под видом требований дьявола в договоре изложены скорее его обязательства, иными словами, требования самого художника, то все встает на свои места. Тогда этот абсурдный договор приобретает практический смысл и может быть истолкован следующим образом: дьявол обязуется на девять лет заменить художнику умершего отца. По истечении этого срока душа и тело художника, как обычно при таких сделках, перейдут в собственность дьявола. По всей видимости, принимая решение о заключении этого договора, художник рассуждал так: из-за смерти отца он впал в уныние и утратил способность работать; если кто-то заменит ему отца, он сможет вновь обрести утраченное.

Человек, которого так опечалила смерть отца, наверняка, очень дорожил им. Но не странно ли, что такому человеку

¹⁸ Anno 1669 (лат.) – год 1669. – Прим. переводчика.

заблагорассудилось выбрать взамен любимого отца именно дьявола.

III. ДЬЯВОЛ ВЗАМЕН ОТЦА

Боюсь, скептики не согласятся с тем, что, сместив акценты в трактовке договора, мы раскрыли его истинный смысл. Они выдвинут два возражения. Во-первых, они скажут, что эту расписку не нужно расценивать как договор, в котором должны быть указаны обязанности двух сторон. Скорее в ней были закреплены лишь обязательства, которые взял на себя художник, а обязательства дьявола остались за рамками этого соглашения, так сказать, «sousentendue»¹⁹. Именно художник берет на себя два обязательства: во-первых, обязуется девять лет быть дьяволу сыном и, во-вторых, соглашается с тем, что после смерти будет всецело принадлежать ему. Таким образом, отмечается один из наших доводов.

Во-вторых, они скажут, что не стоит так уж напирать на то, что в расписке говорится о готовности «быть дьяволу послушным сыном». Это обычная фигура речи, которую любой читатель может истолковать так же, как это сделали монахи. Они не стали переводить эту фразу дословно на латынь, а просто написали, что художник «mancipavit»²⁰, то есть всецело предан дьяволу, обязался вести греховную жизнь, отречься от Бога и Святой Троицы. Так зачем же нам

¹⁹ Sousentendue (лат.) – подразумевались. – Прим. переводчика.

²⁰ Mancipavit (лат.) – предан в руки. – Прим. переводчика.

отклоняться от этой простой и очевидной трактовки²¹? Перед нами попросту отчаявшийся человек, измученный меланхолической депрессией, который продает свою душу дьяволу, уповая на его невероятные целительские способности. Не так уж важно, что в уныние он впал после смерти отца, – это могло бы произойти и по другой причине. Это звучит убедительно и здраво. Психоаналитиков снова упрекнул в том, что они до предела усложняют простые вещи, ищут тайны и загадки там, где их нет, и находят их, выпячивая мелочи и околичности, которые можно обнаружить где угодно, а потом делают на их основе самые смелые и странные выводы. И бессмысленно доказывать оппонентам, что из-за их непримиримости распадается столько примечательных аналогий и рвется столько тонких взаимосвязей, которые можно выявить в этой истории. Оппоненты скажут, что таких аналогий и взаимосвязей нет и в помине, просто мы сами их выдумываем, изощряясь в пронизательности.

²¹ На самом деле, в дальнейшем, учитывая, когда и для кого были составлены эти расписки, мы убедимся в том, что сформулированы они просто и вразумительно. Но пока нам достаточно и того, что в этом тексте таится некоторая двусмысленность, которую мы можем взять за основу нашего толкования. – *Прим. автора.*

В четвертый раз явился он мне в таком гнусном обли-
чии, с толстым желтым кошельем, и показал мне большой ду-
кат, посулив мне весь кошель, набитый дукатами, и вообще
столько золотых монет, сколько моя душа пожелает: но я ни-
чего у него не взял. **Из дневника Кристофа Хайцманна.**
«Свидетельство о чуде в Мариацелле»

Что ж, я не стану предварять свои возражения призывами «будем честны» или «будем откровенны», поскольку таковым нужно быть всегда, без особых предуготовлений, а просто скажу: я прекрасно понимаю, что того, кто до сих пор не уверился в обоснованности психоаналитического подхода, не убедит в этом и анализ случая художника Кристофа Хайцманна, жившего в семнадцатом веке. К тому же, я и не собираюсь приводить этот случай в доказательство пригодности психоанализа; скорее напротив, я исхожу из того, что психоанализ является пригодным средством и использую его для того, чтобы разобраться в демонологическом неврозе этого художника. В пригодности психоанализа убеждают меня успешные исследования сущности неврозов в целом. Со всей скромностью можно заявить, что ныне даже самые неуступчивые наши современники и коллеги начинают понимать, что без психоанализа изучить неврозы невозможно.

«Пасть может Троя от его лишь стрел», – как признается Одиссей в «Филоктете» Софокла.

Коль скоро продажу души дьяволу правомерно рассматривать как невротическую фантазию, не нужно подбирать никакие другие доводы в оправдание того, что мы подходим к этой истории с психоаналитическими мерками. Когда речь идет об обстоятельствах, в которых развился невроз, важны даже нюансы. Разумеется, переоценить их так же легко, как

и недооценить, и только от чувства меры зависит, какие выводы мы на их основе сделаем. А тот, кто не верит ни в психоанализ, ни в дьявола, пусть сам решает, как ему отнестись к случаю художника: опровергнуть ли нашу трактовку или признать, что этот случай не поддается объяснению.

В общем, вернемся к нашему первоначальному предположению о том, что дьявол, которому художник продал душу, должен был заменить ему отца. Нашему предположению соответствует и то, что впервые дьявол явился художнику в облики добропорядочного горожанина в летах, с седой бородой, в красном плаще и черной шляпе, с тростью в правой руке и черной собакой (таким он изображен на первом рисунке)²². Со временем облик его становится все ужаснее, можно сказать, приобретает мифологические черты: у него появляются рога, орлиные когти и крылья как у летучей мыши. В конце концов, он является в часовне в облики летающего дракона. Об одной детали его физического облика мы еще поговорим отдельно.

То обстоятельство, что в качестве замены любимому отцу был выбран дьявол, и впрямь, может показаться странным, но только в том случае, если слышишь об этом впервые, но мы знаем немало такого, что способно умерить наше удивление. Прежде всего, мы знаем, что бог заменяет отца или, точнее говоря, воспринимается как отец небесный,

²² Такая же черная собака оборачивается у Гете в «Фаусте» самим дьяволом. — *Прим. автора.*

иными словами, как отражение образа отца, который складывается в детские годы у индивида, и образа прародителя первобытного племени, возникшего у людей в древности. С возрастом человек начинает иначе воспринимать отца и перестает его возвеличивать, но образ, возникший в детстве, сохраняется и, сливаясь воедино с унаследованным от предков воспоминанием о прародителе, переплавляется в индивидуальное представление о боге. Кроме того, изучая с помощью психоанализа сокровенную жизнь индивида, мы узнали, что отношение к этому отцу, возможно, изначально носит двойственный характер, во всяком случае приобретает такой характер в скором времени, то есть объединяет в себе два противоположных чувства: нежность и покорность дополняют неприязнь и неуступчивость. Такой же двойственностью проникнуто, по нашему мнению, и отношение людей к божеству. Как мы выяснили, важные особенности религии и основные тенденции ее развития обусловлены неисчерпанным конфликтом между тоской по отцу, с одной стороны, и страхом вкупе с сыновним бунтом, с другой стороны²³

²³ См. «Тотем и табу», а также «Вопросы психологии религии» Т. Рейка (I, 1919). – *Прим. автора.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.